

NON-FICTION

52

Александр
Етоев

ПОЛНОЕ
КНИГОЕДСТВО
ОТ А ДО М

«АЗБУКА»

18+

Александр Васильевич Етоев
Полное книгоедство от А до
М. Опыт занимательного
литературоведения и не только
Серия «Non-Fiction. Большие книги»
Серия «Полное книгоедство», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74600761
Полное книгоедство от А до М. Опыт занимательного
литературоведения и не только: СПб; 2026
ISBN 978-5-389-35316-9

Аннотация

Почему «Книгоедство»? И тем более «полное»?

Во-первых, когда-то у меня выходила книжка «Душегубство и живодерство в детской литературе». То есть преемственность сохраняется, ведь известно, что от душегубства до книгоедства расстояние такое же малое, как от саксофона до финского ножа. Во-вторых, оно хоть и режет слух, но семантически совершенно светлое, ибо соответствует нашему привычному «буквоеду» – и магазину, и человеку. А полное оно потому, что совмещает в себе первые два издания – «Книгоедство» и «Экстремальное

книгоедство» – с добавлением кой-чего, отсутствующего в предыдущих изданиях.

А еще мое «Книгоедство» – произведение художественное, и именно так его и нужно воспринимать. Поэтому, кроме чисто книжных статей (или главок, кому как нравится), я включил сюда и маленькие рассказы, замаскированные под заметки об авторах или книгах, и записи о некоторых вещах, вроде бы с литературой не связанных, а еще литературные «факты», основанные на фантастических допущениях.

И всех их объединил собой.

Руку на сердце положа, книга эта – малая дань моему давнему пристрастию к чтению, обреченная на неудачу попытка заинтересовать как можно больше людей этим бесполезным делом, мой роман с литературой, в конце концов (Александр Етоев).

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Предисловие к первому изданию[1]	6
Предисловие к третьему изданию[4], выборке из «Книгоедства» и «Экстремального книгоедства»	11
Предисловие к сегодняшнему изданию, надеюсь окончательно завершающему книгоедскую тему	12
А	13
Абазур памяти	13
Аббревиатура	15
Абракадабра	17
А вам слабó сбросить Пушкина с корабля современности?	19
Авантюристы	25
Автографы	28
Авторская (бардовская) песня	30
Автостоп	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Етоев
Полное книгоедство
от А до М. Опыт
занимательного
литературоведения
и не только

© А. В. Етоев, 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Предисловие к первому изданию¹

Роман-энциклопедия – странное сочетание. Трудно укладывается в голове. Хорошо, а такая форма, как «роман-комментарий», укладывается лучше? Но ведь и «Бледный огонь» Набокова, и «Пути к раю» шведа Корнеля, и «Подлинная история „Зеленых музыкантов“» Евг. Попова – каждое из этих произведений действительно роман-комментарий. А еще есть роман-пергамент («Суер-Выер» Юрия Коваля), роман-пунктир (А. Битов), роман-воспоминание (А. Рыбаков), роман-путеводитель (Н. Анциферов) и много чего еще². Так почему же тогда не быть роману-энциклопедии?

Границы романной формы к XX веку сделались такими же размытыми, как само понятие «реализм». Он и фантастический, и магический, и «без берегов», и еще бог знает какого вида.

Да, скажет суровый критик, только в большинстве из приведенных примеров существует единый стержень – это или главный герой (группа героев), или некая цель (рай), к которой автор в результате приводит (пытается привести) читателя.

¹ Александр Етоев. Книгоедство. Выбранные места из книжной истории всех времен, планет и народов. Новосибирск, 2007.

² Забыл про «роман-исследование» В. Бурсова «Личность Достоевского», хорошая книга.

Да, отвечу я суровому критику, только почему бы главным героем романа не сделать Книгу, а целью – донести до читателя мое отношение к Книге.

Что я и попытался сделать.

Самое трудное при подготовке этой книги к изданию было придумать ей имя. Первый вариант имени по претенциозности и маху мог соперничать с такими глыбами космического масштаба, как словарь Брокгауза и Ефрона, Большая советская энциклопедия, Британика и подобные им издания. «Всемирная книжная энциклопедия», ни много ни мало, – так я назвал свое детище. Но, посоветовавшись с собственной совестью, я стал думать над названием поскромнее.

И тут мне помогла классика. Низкий ей от меня поклон и особая благодарность Николаю Васильевичу Гоголю, первым введшему в оборот словосочетание «выбранные места». Оно очень удобно тем, что спасает автора от упреков в предвзятости, верхоглядстве и узколобом подходе к теме. Поэтому второй вариант моего энциклопедического романа я назвал очень по-гоголевски – «Выбранные места из книжной истории всех времен, планет и народов».

Ведь и вправду, вдруг меня спросят: а почему в предложенной выборке отсутствуют Коран, Пополь-Вух, «Записки» кавалер-девицы Надежды Дуровой, «Иосиф и его братья» Томаса Манна и книги петербургских фундаменталистов?

Пользуясь же гоголевским приемом, всегда можно ответить на это: да, пока что отсутствуют, но в следующем, до-

полненном и доработанном издании книги все допущенные автором пропуски будут заполнены обязательно. Мало того, можно даже пообещать, что в авторских планах – полное, без всяких пробелов, описание всех наличествующих в природе книг.

Единственное, чего просит при этом автор, это малой толики снисхождения: планы, как говорится, планами, а жизнь человеческая не так продолжительна, как хотелось бы. За крайне редкими исключениями она даже короче жизни обыкновенного дикого гуся (100 лет), не говоря уже о таких долгожителях, как слон или черепаха.

Итак, «Выбранные места». Когда я поделился своей находкой с одним продвинутым пиар-менеджером, тот мне посоветовал или вовсе отказаться от такого названия, как заведомо непродажного, или хотя бы не выносить его на обложку.

И машина заработала снова. Я прокручивал в голове варианты: «*Helluo librorum*» («Пожиратель книг»), «Опыт частной книжной энциклопедии», «Частный опыт книжного лексикона», «Библиотропион, или Следование за книгой»... Вариантов было гораздо больше, и наконец я остановился на «Книгоедстве». Во-первых, когда-то у меня выходила книжка «Душегубство и живодерство в детской литературе». То есть преемственность сохраняется, ведь известно, что от душегубства до книгоедства расстояние такое же малое, как от саксофона до финского ножа. Во-вторых, оно хоть и режет

слух, но семантически совершенно светлое, ибо соответствует тому же «helluo librorum» или более привычному – «буквояд».

Скажу честно: этот мой «академический» опус вовсе не претендует на академичность. На энциклопедичность, впрочем, он тоже не претендует. Энциклопедия – это серьезный научный труд, который предполагает обстоятельную работу с материалом, четко выстроенные в цепочку факты, полноту освещения предмета, сугубо объективный подход, безэмоциональность, отсутствие иронии, юмора, интонации. Хотя в истории бывали примеры энциклопедий, не очень-то совпадающих с общепринятыми научными требованиями. Та же «Энциклопедия» д'Аламбера и Дидро, например. Или любое энциклопедическое издание советского времени, порезанное ножницами цензуры.

Мое «Книгоедство», как уже говорилось выше, художественное произведение, написанное в жанре энциклопедии, и именно так его и нужно воспринимать. Поэтому, кроме чисто книжных статей (или главок, кому как нравится), я включил сюда и маленькие рассказы, замаскированные под заметки об авторах или книгах («Веллер»³, «„Выбор катастроф“ Азимова»), и записи о некоторых вещах, вроде бы с литературой не связанных («География», «Конный цирк»), и литературные «факты», основанные на фантастических допущениях («Пушкин»).

³ Писатель *Михаил Веллер* – признан Минюстом РФ иностранным агентом.

И всех их объединил *собой*.

Руку на сердце положая, книга эта – малая дань моему давнему пристрастию к чтению, обреченная на неудачу попытка заинтересовать как можно больше людей этим небесполезным делом, мой роман с литературой, в конце концов.

И последнее замечание: материалы, вошедшие в книгу, писались с 1991 по 2006 год и не сводились к единому конечному знаменателю, то есть ко мне сегодняшнему.

P. S. А «Выбранные места» я все-таки сохранил – хотя бы в подзаголовке.

Предисловие к третьему изданию⁴, выборке из «Книгоедства» и «Экстремального книгоедства»

В начале было «Книгоедство». Потом было новое «Книгоедство» – «экстремальное». Почему «экстремальное», я не знаю, название придумали за меня издатели. Просто «Книгоедство» имело подзаголовок «Роман-энциклопедия», у второго, которое «экстремальное», в подзаголовке было «Книга-мишень». С мишенью ясно. Так я обозначил жанр книги, предвидя будущие стрелы профессионалов. Профессионалы страх как не любят вредителей на их огороде, к которым я отношу себя. По ним, писатель должен писать, а рассуждать о том, как и зачем он пишет, должны специально обученные работники, то есть они. Появилась, помнится, «Литературная матрица», «учебник, написанный писателями». Сколько крика тогда пошло из филологического окопа: куда, мол, эти... как их... писатели, со свиным рылом в калашный ряд!

⁴ Етоев А. Территория книгоедства. СПб., 2016.

Предисловие к сегодняшнему изданию, надеюсь окончательно завершающему книгоедскую тему

Спасибо читателям и, конечно, издателям! Первым – прочитавшим и не обругавшим меня, писателя, грубым словом (были, естественно, и такие, но их немного); вторым – не побоявшимся этому моему странному сочинению дать дорогу к читателю. Естественные читательские упреки, которые я отслеживал в Интернете, сводились в общей массе к тому, что я часто от книг, от литературы перехожу на дела житейские. Но «Книгоедство» мое, я считаю, все же не литературоведческая работа, это мой роман с книгами, а любой человек читающий имеет право и на личную жизнь.

Нынешний «книгоедческий» свод объединяет в себя практически все, что входило в первые два издания – «Книгоедство» и «Экстремальное книгоедство». Время меняет ориентиры, но я не стал грести по фарватеру современности и оставил в тексте все так, как было в предыдущих изданиях. И добавил кое-что новое. Не стану говорить что.

А

Абажур памяти

Гуляючи однажды возле Сенной и перешед, как Пушкин, чрез мост Кокушкин, я обнаружил у себя в голове непрошено пришедшую фразу. Вот эту: «абажур памяти». Как она оказалась у меня в голове, не знаю. Сам бы я ни за что не стал пускать к себе в голову подобную приبلудную дрянь. Наверное, занесло сквозняком из какой-нибудь питерской подворотни. Фраза вертелась на языке долго, до самой Казанской улицы, и как-то я с ней смирился. Потом уже, просветив ее рентгеновским аппаратом разума, я понял, что фраза не такая уж и искусственная.

Почему абажур? Ну как! Во-первых, это символ мещанства, которое символ пошлости. Помните, старый фильм по пьесе, может, Шатрова, а может, Розова? Тот, где юный герой дедовской комиссарской саблей крушит мебель и прочие мещанские абажуры, символизирующие духовный застой? Мол, обуржуазились родители, разжирели, позалазили, как клопы, в мебель и не нужны им ни Гагарин, ни бригантина, ни комсомольские путевки на целину.

Во-вторых, слово красивое. Открываю «Словарь иностранных слов», изданный Ф. А. Иогансоном, и читаю, что

«абажур» по-французски – «колпак для лампы или свечи, отражающий лучи света в известном направлении; косое окошко». То есть у них абажур, а у нас колпак, который иначе как со словом «дурацкий» не сочетается со времен Воейкова, автора известной сатиры. Такая вот фонетическая гримаса. А в «Новейшем словаре иностранных слов» (М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002) слову «абажур» даже повезло втиснуться в щель между «Аароновщиной» и «Абазией».

Разобравшись с абажуром, перехожу к памяти.

Здесь все понятно без объяснений. То есть «абажур памяти» – это то, что смягчает резкость, приглушает яркость воспоминаний, примиряет, разжиживает, спасает. Боль, когда-то невыносимо острая, становится болью сладкой. К совершенной однажды подлости начинаешь относиться со снисхождением. Умиляешься, видя дурость своих некогда «геройских» поступков. И так далее.

Пожалуй, про абажур хватит. Будем жить мирно, счастливо и богато. Ну а если почему-то не получается, уверяю вас, дорогие мои читатели, все наладится, образуется, так что незачем зря тревожиться, все безумные образумятся, и итоги все подытожатся. Были гром и град, были бедствия, будут тишь да гладь, благоденствие.

Аббревиатура

Один монах сорок лет разгадывал высеченную на камне надпись: «ЕОНЧКСТНБСДПБСР». И наконец разгадал. «Если отойдешь направо четыре квадратных сажени, то найдешь большую сумму денег, положенных богатырем Стенькой Разиным». И ведь пошел, божия кочерыжка, и откопал, теща свое греховное сребролюбие. Слава Господу, шел мимо солдат и, увидя такое дело, тут же подсказал нечестивцу правильную разгадку надписи. Читать, оказывается, нужно было наоборот, справа налево. Точно не помню, но смысл солдатской расшифровки такой: «Разин Стенька, будучи праведен душой, спрятал богатство...» – и далее о том, что богатства достоин не позорный служитель культа, помышляющий исключительно о своей мошне, а он, солдат, православный воин, защищающий родное отечество от всяких поганцев и супостатов.

В общем, аббревиатура есть вещь таинственная и не любым разумом постигаемая. От правильной ее расшифровки в жизни зависит многое, порою и сама жизнь.

Я вот, например, как ни бился, так и не смог проникнуть в тайну аббревиатуры ВАМХУ, которая наряду с ИМХО бытует в «Живом журнале». И чуть при этом не свихнулся мозгами, жена «скорую» вызывала даже. Это в качестве маленькой иллюстрации к моей сентенции из абзаца выше, к

заключительной его части.

Мы в детстве, когда ставили кому-то подножку, всегда говорили честно: «МЗП», – что значило «Малозаметное препятствие».

Правда, в ответ на это тебе могли ответить: «УПСПГТ», или «Удар продуктовой сумкой по голове товарища», – и тут же этот УПСПГТ нанести. Хорошо, если в сумке был батон за тринадцать копеек, а не стеклянная бутылка с кефиром.

Самые опасные аббревиатуры – аббревиатуры блатные.

КОТ, например, на блатном жаргоне – совсем не ласковый домашний любимец, это «Коренной обитатель тюрьмы», который так тебя поцарапает коготками, что долго после этого будешь помнить, если, конечно, выживешь.

МИР – это «Меня исправит расстрел».

ВОР же – «Вождь Октябрьской революции», то есть Ленин, лучший, кстати, оберег от расстрела, наносимый в виде татуировки на сердечную половину груди.

И так далее.

Вот на этом выразительном «и так далее» закрываю эту мутную тему. А то начал, можно сказать, за здоровье, а закончил почему-то за упокой.

Абракадабра

Две самые страшные вещи из всех, что придумали евреи, – компьютер и абракадабра. Из этих же двух опаснее и страшнее, несомненно, абракадабра. Компьютер можно хотя бы обесточить, или заразить вирусами, или раздолбать его на хрен пневматическим молотком, с абракадаброй же бороться практически невозможно.

Абракадабра есть изощренный способ уничтожения мира с помощью слов. Слово, *изначальное* слово, обозначающее предмет, оно же истинное имя предмета, имеет с самим предметом сокровенную связь, это душа предмета, его эйдос, его способ существовать в мире. Если же вам известно истинное имя предмета, то легче легкого, удаляя последовательно из имени отдельные его составляющие, уничтожить целиком имя и тем самым уничтожить предмет. На самом деле все, конечно, сложнее, истинные имена скрыты, иначе предметный мир давно бы был обращен в дым.

Люди легкомысленно не доверяют словам, не понимают скрытого в них могущества, силы, которая в умелых руках способна погасить солнце, звезды и всю видимую вселенную.

Знаете, кстати, по какой причине Главатом в свое время (1962 год) наложил вето на печатание повести «Возвращение» братьев Стругацких? Потому что хоть в книге и не содержалось закрытых сведений по атомной энергетике, но

зато был употреблен термин, «который может и употребляется среди узких специалистов, но массам он непонятен». Нетрудно догадаться, о каком термине речь. Это – абракадабра.

Зоркие и мудрые люди составляли тогда Главатом. Они понимали, что абракадабра страшнее даже атомной бомбы, потому что бомба, если человек выжил, опасна для него всего лишь непредсказуемыми мутациями, но, согласитесь, кто откажется от способности левитации, например, или возможности передавать мысли на расстояние, или, наконец, от добавочной пары рук или ног, которые никогда не бывают лишними.

Они-то понимали, а мы?..

А вам слабо сбросить Пушкина с корабля современности?

Такова моя, наверное, злосчастная хламида-монада – обижать вполне достойных людей, доверчиво меня посвящающих в интимные тайны творчества и ожидающих сочувственного ответа. Или приносящих мне в дар рукотворное изделие духа. Или просто по наивности полагающих, что литератор литератору брат, по аналогии с известнейшим афоризмом. И как-то все невыгодно получается. То обижу хорошего человека – писателя, ведущего на ТВ обзор выходящих книг, – и тем самым обреку себя на безвестность для миллионов любознательных телезрителей. То выведу в одном из героев знакомого литературного критика, и тот, на меня обидевшись, вычеркнет мое имя из литературы. А тут прислал мне рижский знакомый кусочек своей книги о Пушкине, продукт четырехлетних раздумий над феноменом пушкинской славы.

Я уже однажды писал, что в литературе наступает период *восстания писательских масс*. Новое литературное поколение – не по возрасту, а скорее по ощущению обойденности госпожой удачей, неостребованности себя читателем – пытается отыскать виновных в неудачах своего творческого пути. Современников винить глупо – потому что они живые. То есть могут дать тебе сдачи – особенно если имеют вес.

Поэтому выгоднее всего соскрести позолоту с классиков и посмотреть, что у них под ней. Классик ведь безответен, а до касты жрецов-литературоведов современному писателю дела нет.

Почему литературная планка поднята на высоту Пушкина? Или Чехова? Или Толстого? И такие ли уж они образцы, чтобы их сомнительными заслугами мерить нынешнее поколение пишущих? Вот какие мировоззренческие вопросы ставят перед собой писатели и находят на них ответы.

Оказывается, все дело в критике и отечественных идиотах-читателях, которые, как собаки в нартах, готовы бежать туда, где подвешена на шесте приманка. И если бы не продажная критика, то место бесталанного Пушкина занял бы талантливейший Булгарин. На место Чехова встал бы Лейкин. А Толстой за свою безграмотность и неумение совладать с языком, тот вообще был бы вымаран из словесности.

Возвращаюсь к рукописи из Риги. Та часть, которую мне прислал знакомый, писатель Г., имеет подзаголовок «Пolemические заметки на полях стихотворения „Анчар“». Общий ее объем около 8 авторских листов, то есть, если учесть, что прислана только часть работы, труд задуман капитальный, и поневоле снимаешь шляпу перед подвижническим подвигом сочинителя.

Заранее предвкушая счастье (еще бы, читать о Пушкине работу, написанную знакомым, и быть при этом первым читателем!), я стал поедать страницы. «И скоро мое счастье

улетело навсегда», как поется в известной песне. Потому что... Впрочем, цитирую:

Справедливо подметил Лев Толстой: «Мы читаем у Пушкина стихи такие гладкие, такие простые, и нам кажется, что у него так и вылилось это в такую форму. А нам не видно, сколько он употребил труда для того, чтобы вышло так просто и гладко...» При очевидном и вопиющем убожестве слога здесь очень точно схвачена суть. Комплимент убийственный, если вдуматься.

Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Этот «грозный часовой» никак не может быть причислен к гениальным поэтическим находкам. Простенький образ отнюдь не блещет многогранностью, а к нему пристегнут безыскусный и чисто эмоциональный эпитет.

В «Литературной энциклопедии» говорится: «Метафора, как и всякий троп, основана на том свойстве слова, что оно в своем значении опирается не только на существенные и общие качества предметов (явлений), но также и на все богатство второстепенных его определений и индивидуальных качеств и свойств. <...> М. обогащает наше представление о данном предмете, привлекая для его характеристики новые явления, расширяя наше представление о его свойствах».

То есть хорошая метафора всегда ветвиста,

ее недостаточно построить на одной-единственной совпадающей черточке. Сравнение анчара с часовым образует плоский пяточок, и за пределами его нет никаких добавочных смыслов, обогащающих «наше представление о данном предмете».

Более того – вдумчивый читатель, пытаюсь развить смысл метафоры, утыкается в логический тупик, и недоумение усугубляется тем очевидным фактом, что часовой всегда военнослужащий. Кем поставлен этот часовой, кому подчиняется, от кого и что охраняет анчар, если он «один»?

Стоит – один во всей вселенной.

Выспренняя строка неряшливо двусмысленна: то ли во вселенной нет вообще никого и ничего, кроме анчара, то ли на всю вселенную имеется один-единственный анчар. Лишнее подтверждение тому, что в литературном арсенале самым скользким и коварным орудием является гипербола.

Цитата выборочная, но в ней, как в зеркале, отражается суть работы. То, о чем я говорил во вступлении. Я, конечно, как человек вежливый, написал политкорректный ответ. Вот он (замечания в скобках в текст ответа не входят):

Бегло прочитал первые страницы и пока еще не понял заложенной в материал идеи (вру, понял. Но говорю же: политкорректность! – А. Е.). То есть, если судить по началу, мысль работы состоит в

следующем: Пушкин по-настоящему не прочитан, если же его прочесть правильно, не предвзято, то читатель быстро поймет, что поэт он слабый, примитивный и сделан народным гением исключительно по чьему-то умыслу. Это первое. Второе: хрестоматийный «Анчар» вовсе не характерное произведение Пушкина, оно и сделано-то хрестоматийным, потому что имеет политическую окраску («Царь тем ядом напитал») и очень хорошо вписывается в известный советский миф о Пушкине – провозвестнике революции. И авторитет Благого (твое «по авторитетному мнению»), скорее, авторитет дутый, и ссылаться на него следует с большой оговоркой, потому что он те самые советские мифы и создавал. Пафосность и поэзия – вещи, как правило, несовместные, и Пушкин здесь тоже не исключение. Под пафосностью я понимаю морализаторство, учительство, политизированность – любые случаи, когда поэт заранее настраивает себя на пропаганду какой-либо одной, пусть великой, задачи. Если же такие всплески бывают походя, независимо от намерений пишущего, то это вполне нормально и не вызывает отторжения у читателя.

Потом, я думаю, разбор поэзии нельзя вести с позиций формальной логики (как ты делаешь, например, со строчкой «Один во всей вселенной»); читатель воспринимает стихи все же не голой мыслью, а сначала на звук, на слух, если последний у читателя не отсутствует.

Это пока мои первые отклики на первые

прочитанные страницы. Возможно, я не прав, поскольку сужу по началу.

Ответа я так и не получил. Наверное, приятель обиделся. А попробуй тут не обидься – мне доверена частица души, а я грубо, как конь копытом, втоптал ее в навозную жижу да вдобавок станцевал над ней летку-енку, танец варваров с холодных гиперборейских окраин мира.

Авантюристы

Самый знаменитый из всех авантюристов XVIII века – Иосиф Бальзамо (больше известный публике под именем Калиостро), оказывается, был посрамлен обыкновенным питерским бесноватым Васькой Желугиным то ли поздней осенью 1799-го, то ли ранней весной 1800 года, точная дата не установлена. Случай этот описан в литературе, суть истории такова: временно проживаючи в Петербурге, Калиостро практиковал медицину; в частности, одним из его пациентов был вышеупомянутый бесноватый, выдававший себя за Господа нашего Саваофа. Для того чтобы пациента вылечить, Калиостро нанимает две лодки, в одну сажает себя и бесноватого В. Желугина, в другую – команду своих помощников. На середине Невы граф сталкивает спутника в воду – такой в те годы практиковался способ борьбы с психическими болезнями, их лечили, совмещая элемент неожиданности с окунанием в ледяную воду, – тот падает, но уволаскивает при этом и своего лечащего врача. Короче, их обоих вытаскивают баграми люди из второй лодки и благополучно доставляют на берег возле Петропавловской крепости. На вопрос столпившейся на берегу публики, кто он такой, выздоровевший больной отвечает, что никакой он не Саваоф, как они, дураки, подумали, а Васька Желугин, бывший городской сумасшедший.

Далее цитирую по повести М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо»:

Граф, желая отереть воду, струившуюся по его лицу, сунул руку в карман и не нащупал там табакерки, подаренной ему Государыней.

Васька, видя озабоченное лицо Калиостро, засмеялся.

– Табакерочку ищите? А я ее подобрал. – И откуда-то, как фокусник, вытащил золотую коробочку.

– Где же ты ее подобрал?

– У вашей милости в кармане и подобрал.

Граф обвел глазами присутствующих и молвил:

– Рассудок к несчастному вернулся.

В общем, как говорили во времена моего счастливого детства: «Пока смотрел „Багдадский вор“, русский вор штаны упер».

Но конечно, по части изобретательности современные авантюристы могут дать фору любому аналогичному деятелю времен Екатерины Великой.

При мне на Сенной площади лет десять назад на выходе из метро «Сенная» стоял лысый такой мужик и рвал у себя на спине рубаху. Не на груди, как все нормальные люди, а в том-то и фишка, что на спине. Перед тем как ее порвать, он орал голосом зазывалы, привлекая внимание публики: «Рву рубаху на спине! Рву на спине рубаху!» Люди, естественно, подходили, он поворачивался ко всем спиной, просовывал руки себе под мышки, хватал на спине рубаху и рвал ее с

жутким треском. А тем временем его компаньоны чистили у толпы карманы.

Еще я знаю историю с продажей трамвая. Один мой знакомый из новых русских стоял утром на остановке трамвая 14-го маршрута на углу Английского проспекта, бывшего Маклина, и площади Тургенева, бывшей Покровской. Уже смешно, наверняка скажет сейчас кто-нибудь из читателей. Новый русский ждет на остановке трамвай. Так вот, этот мой новый русский никакого трамвая не ждал, просто стоял себе, похмельный, на остановке и вспоминал, где он вчера, перед тем как нажраться водки, припарковал свой «мерседес-бенц». А тут подходит к нему интеллигентного вида дедушка и предлагает купить трамвай. Мой знакомый сразу говорит: «Сколько?» – в смысле, баксов, а не числа трамваев. Тот ему называет цифру. Короче, платит мой знакомый наличкой и спрашивает: мол, где товар? Дедуля говорит: «Вот» – и показывает рукой на выкатывающий из-за поворота вагон. Потом уходит, пересчитав деньги. Конец истории понятно какой. Впрочем, конец не важен, важен сам факт продажи.

Вывод: чего-чего, а авантюристов в любом веке всегда хватало. Куда ж они, на хрен, денутся, пока живы лохи вроде вас и меня.

Автографы

Дураку ясно, что авторская надпись на книге увеличивает ее ценность во много раз, особенно если автор уже в могиле. Сложнее обстоит дело с автографами живых писателей. Один мой знакомый прозаик, имени которого называть не стану, однажды мне сказал следующую парадоксальную вещь: «Неизбежное зло писателя – книги с автографами коллег. Мусор, от которого можно избавиться, но нельзя отказаться». Фраза довольно злая и, наверное, не вполне справедливая. Но какая-то доля правды в ней, согласитесь, есть.

Писатель Андрей Измайлов как-то жаловался мне на писателя Владимира Рекшана. Дело в том, что однажды в букинистическом магазине А. Измайлов обнаружил какую-то из своих книг с собственным же автографом В. Рекшану. Сам Рекшан категорически отрицал свою причастность к факту сдачи книги с автографом. В принципе, ничего зазорного в этом происшествии я не вижу. Всем известно, что у большинства отечественных прозаиков денег не то что нет, но зачастую не предвидится даже в далеком будущем. Поэтому ради элементарного выживания писатель имеет право совершить этот мелкий грех – сдать подписанную ему автором книгу пусть за мелкие, но все-таки деньги. И обижаться тут, по-моему, нечего.

Особый случай с автографами – когда автор ставит перед

собой задачу таким способом заработать. Классический пример – вояж Маяковского по Америке. Сопровождавший поэта Давид Бурлюк заставлял гостя из советской страны подписывать свои книги, объясняя это прагматически просто: неподписанная книга стоит 5 долларов, книга же с автографом знаменитого гостя – 20.

Кстати, об автографах Маяковского. Дмитрий Быков⁵ в книге о Пастернаке пересказывает показательный факт покупки Осипом Брикком у букиниста в 1939 году книги Маяковского «Хорошо!» с надписью: «Борису Вол с дружбой нежностью любовью уважением товариществом привычкой сочувствием восхищением и пр. и пр. и пр.». У того же букиниста Брик обнаружил и другую книгу, пятый том собрания сочинений Маяковского, также с автографом Пастернака: «Дорогому Боре Вол 20/XII 1927».

Борис Леонидович активно открещивался от этого факта: мол, ничего не знаю и книги подарены не ему. «Это не мои книги, – ответил он Василию Катаняну, когда тот задал вопрос на эту щекотливую тему. – И надпись не мне».

Быков связывает факт продажи подписанных книг с сознательным открещиванием Пастернака от такого поэтического явления, как творчество Маяковского. Так ли это или не так – доказывать литературным историкам. Я привел этот случай в качестве примера, не более.

⁵ Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

Авторская (бардовская) песня

Громче всех пел Высоцкий. Тогда, во второй половине 60-х, каждая его магнитофонная запись воспринималась как откровение. Тяжелые катушечные магнитофоны мы таскали из дома в дом, как только у кого-нибудь из знакомых появлялась новая запись. Это были живые песни, в них кипела живая жизнь, неустроенная, непредсказуемая, опасная, которой так всегда не хватает пятнадцатилетнему городскому жителю. Мы записывали эти песни в тетрадки, мы осваивали три-четыре аккорда – «блатные», так их называли в народе – и орали под портвейн и гитару: «Здесь вам не равнина, здесь климат иной», «В прорыв идут штрафные батальоны» и «Парус, порвали парус». Певец тогда еще только начинал завоевывать пространство русской души. А уже через десять лет Высоцкий для русского человека стал фигурой сродни Гагарину. Даже про Брежнева тогда говорили: «Мелкий политический деятель эпохи Высоцкого».

Потом пришло время Галича. То есть он был и раньше, но громкая муза Высоцкого делала его голос неразличимым. Песню про «Белые столбы» мы пели, даже не зная, что она написана Галичем. Галич для моего поколения, не потерявшегося в пустыне 70-х, – символ совести и свободы. Он учил нас издеваться над глупостью держиморд от советской власти. Стукачей он называл стукачами, а подлость называл

подлостью. Хранить пленки с голосом Галича было опасно. Когда со второй половины 70-х пошли повальные обыски по делам, связанным с самиздатом, наряду с книгами и машинописными копиями изымались и записи его песен. Галича сейчас слушают мало. К сожалению, актуальность песен не всегда дает им путевку в вечность. Но с точки зрения поэзии, виртуозности исполнения, художественных находок песням этим наверняка суждена жизнь долгая.

Окуджава. Прежде всего это человеческая душа. Негромкая, изменчивая, открытая, которую необходимо беречь как искру Божию внутри нас. Все песни его – о душе. Поэтому время на них не действует. Трудно отыскать человека, равнодушного к его голосу. Узнаётся он везде и всегда. Сразу бросаешь дело, которым бываешь занят, когда по телевизору или радио звучит знакомая, словно голос матери, бесхитростная его мелодия.

Понимание приходит с годами. Раньше для меня Юрий Визбор почему-то оставался в тени. Наверное, тогда я еще просто до него не дорос. Или вовремя не почувствовал доброты его необыкновенного голоса. Потому что именно доброта делает человеческий голос необыкновенным. Теперь песни Визбора стали близкими моими друзьями. «Ходики», «Волейбол на Сретенке», «Ночная дорога» – всего и не перечислишь.

Хорошее наступило время. Запросто, не боясь, что вломятся и изымут, на полку можно поставить сборник с пес-

нями Галича, изданный не во Франкфурте, а в Москве. Когда-то, совсем недавно, такое даже не снилось. А теперь – «вот она, эта книжка... снимает ее мальчишка с полки в библиотеке». И тираж ее – 5–10–20–25 тысяч, а не тысяча, как мечтал Галич. Галича изучают в школе, как раньше Тихонова и Суркова. Я вспоминаю фразу, прочитанную у кого-то из эмигрантов: «Некто Пастернак, проживающий по улице имени замечательного писателя Павленко». Возвращаются имена и песни. И сейчас, с высоты времени, понимаешь, что главное в этих песнях – голос. Свой, неповторимый, единственный, не похожий ни на какой другой.

Автостоп

Самый главный автостопщик всех времен и народов это, конечно, никакой не Джек Керуак. Это наш великий современник саратовчанин Роман Арбитман, полная биография которого вышла недавно благодаря стараниям писателя Л. А. Гурского (Лев Гурский. Роман Арбитман. Биография второго президента России. Волгоград: Принтерра, 2009). В книге увлечение Р. И. Арбитмана хичхайкингом (автостопом) всего лишь небольшой штрих к биографии великого человека. Вот соответствующий отрывок из книги Гурского:

Остановить на трассе большегрузный КамАЗ, ремонтный «рафик» или колесный трактор – не проблема и для рядового буряшца (Буряш – село в Саратовской обл., в котором Р. Арбитман с 1984 по 1987 г. работал учителем русского языка и литературы. – А. Е.), а вот другие виды автотранспорта крайне неохотно брали (и берут поныне) попутчиков в селе. Тем не менее молодому учителю литературы еще весной 1985 года не составляло большого труда притормозить автолавку, кинопередвижку, молоковоз, панелевоз, автокран, машину ППС, бетономешалку и даже автоцистерну Новоарасского винзавода – факт, вызывающий у мужской половины жителей села трепет сродни сакральному. Мало того! «Некоторые из опрошенных мною на полном серьезе утверждали, –

пишет А. Барабек (спецкор журнала «Русский репортер», статью которой цитирует Гурский в своей работе. — А. Е.), — что в последний год своего учительства Арбитман мог остановить на шоссе, ведущем в Саратов, практически любое средство передвижения, включая те, которым брать попутчиков запрещалось категорически: почтовый фургон, автозак, инкассаторскую машину, бронеавтомобиль Госбанка и даже шестиосный тягач МАЗ 547А, перевозящий стратегические ракеты «Пионер», они же СС-20...

Арбитман — личность харизматическая, поэтому любое сравнение с ним, даже в таких сугубо приземленных вещах, как увлечение автостопом, не красит сравниваемый объект. Согласитесь, это звучит нескромно, если не сказать — вызывающе. Все равно как студенту первого курса Литературного института им. Горького сравнивать себя с корифеями современной прозы типа Дымобыкова и Кураева. И все же не удержусь от сравнения. Я ведь тоже в годы беспечной юности баловался этим веселым делом — стопил на дорогах машины. Понятно, тягач с ракетой или бронеавтомобиль Госбанка ни разу по моему сигналу не останавливались. Зато был интересный случай, когда я остановил машину с конфискованными новогодними елками. Это был милицейский газик, время — 70-е годы, я стоял на ночном шоссе, голосуя без малейшей надежды редким равнодушным водителям. Газик осветил меня фарами, я не знал, что он милицейский, иначе бы, наверное, дал отбой. И вот я сижу в отсеке, где обычно

перевозят преступников, вдыхаю запахи хвои, отмахиваюсь от елочных лап – короче, всячески благодушествую. Самое во всем этом оригинальное – с меня не взяли за проезд ни рубля. Хотя доехали мы до самого моего дома. Не все милиционеры в то время были держимордами и хапугами – что можно на это еще сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.